Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/KGYGUP
УДК 82.09
ББК 83

НЕИЗВЕСТНАЯ СТАТЬЯ Д.И. ЧИЖЕВСКОГО О С.А. ЕСЕНИНЕ

© 2024 г. Е.И. Пузаткина
Москва, Россия

Дата поступления статьи: 22 мая 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 25 июня 2024 г.
Дата публикации: 25 декабря 2024 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-4-368-395

Благодарность: Автор сердечно благодарит Н.И. Шубникову-Гусеву, доктора филологических наук, главного научного сотрудника Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), за указание на статью Д.И. Чижевского и методическую помощь.

Аннотация: В научный оборот впервые вводится полный перевод с немецкого на русский язык статьи Д.И. Чижевского «“Песнь о хлебе” Есенина», опубликованной в 1956 г. в сборнике его научных трудов. Чижевский был первым, кто посвятил «Песни о хлебе» (1921) специальное исследование, подчеркнув тем самым ее особую значимость. Ученый анализирует основные мотивы стихотворения: мученичество хлеба (зерна) и отравление людей ядом, накопившимся в хлебе из-за жестокости мучителей. Первый мотив отсылает к традициям древнерусской литературы, средневековой польской и немецкой поэзии, тогда как второй, хотя и имеет отдаленные аналогии в славянском и германском фольклоре, в большей степени является оригинальным творением поэта, впечатленного страшными картинами преступлений в своей стране. Чижевский разбирает «литургическую» символику стихотворения, своеобразие ее преломления в духе средневековых пародий и двусмысленных загадок старообрядцев. Творчество Есенина ученый рассматривает в контексте духовной истории Европы, открывает новые источники образности поэта, внося вклад в культурологическое и философское понимание стихотворения.

Ключевые слова: С.А. Есенин, Д.И. Чижевский, «Песнь о хлебе», поэтика, перевод, мученичество хлеба и зерна, символизм, загадки, немецкое литературоведение.

Информация об авторе: Екатерина Ивановна Пузаткина — кандидат филологических наук, независимый исследователь, г. Москва, Россия.

E-mail: tikatarina@mail.ru

Для цитирования: *Пузаткина Е.И.* Неизвестная статья Д.И. Чижевского о С.И. Есенине // Studia Litterarum. 2024. Т. 9, № 4. С. 368–395. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-4-368-395

Studia Litterarum,
vol. 9, no. 4, 2024

UNKNOWN ARTICLE BY D.I. CHIZHEVSKY ABOUT S.A. ESENIN

© 2024. Ekaterina I. Puzatkina
Independent Researcher, Moscow, Russia
Received: May 22, 2024
Approved after reviewing: June 25, 2024
Date of publication: December 25, 2024

Acknowledgements: The author sincerely thanks Natalia I. Shubnikova-Guseva, DSc in Philology, Director of Research (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences) for pointing out the article by D.I. Chizhevsky and for methodological assistance.
Abstract: The article presents the first complete translation of Dmitry Chizhevsky's unknown article (from German into Russian) about Esenin's poem "Song About Bread" (1921), published in 1956 in Chizhevsky's collection of scientific works. The scholar was the first, who started a deep research of the poem, thus emphasizing its special significance. He analyses the principal motifs of the verse: the "suffering," martyrdom of bread (grain), and the poisoning of people by the venom accumulated in the bread from the cruelty of the torturers. The first motif refers to the traditions of Old Russian literature and medieval Polish and German poetry. The second one, although it has distant analogies in Slavic and Germanic folklore, is more likely an original creation of the poet, who was under deep impression by murder and torture in his own country. Chizhevsky analyses the "liturgical" symbolism of the poem, the peculiarity of its refraction in the spirit of medieval parodies, and the ambiguous riddles of the Old Believers. The scholar shows Esenin's creative work in the frame of European spiritual culture. He reveals new sources and roots of Esenin's imagination, making a significant contribution to understanding the philosophy and culture of the great poet.
Keywords: S.A. Esenin, D.I. Chizhevsky, "Song About Bread," poetics, translation, the "suffering," martyrdom of bread and grain, symbolism, riddles, German literary criticism.
Information about the author: Ekaterina I. Puzatkina, PhD in Philology, Independent Researcher, Moscow, Russia.
E-mail: tikatarina@mail.ru
For citation: Puzatkina, E.I. "Unknown Article by D.I. Chizhevsky About S.A. Esenin." *Studia Litterarum*, vol. 9, no. 4, 2024, pp. 368–395. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-4-368-395

Дмитрий Иванович Чижевский (1894–1977) — выдающийся российско-украинский и немецкий историк философии, филолог-славист. Преподавал в университетах Галле, Йены, в Марбургском университете, в Гарварде (США), возглавлял кафедру славистики Гейдельбергского университета, писал на русском, украинском и немецком языках. Основные научные интересы Чижевского были сосредоточены на исследовании взаимосвязей славянской и германской философии и литературы. Наиболее известными являются книги ученого «Философия Г.С. Сковороды», «Гегель в России», «Достоевский — психолог», не менее значимы его труды по древнерусской литературе, литературе славянского барокко, истории украинской и русской литературы, поэтике Н. Гоголя, Ф. Тютчева, А. Белого. Наследие Чижевского и его значение во всей полноте открываются русскоязычному читателю в последние десятилетия во многом благодаря трудам Н.С. Надъярных, В.В. Янцена и Библиотеке-фонду «Русское зарубежье» [4; 10; 11].

Статья Чижевского «“Песнь о хлебе” Есенина» является одним из ранних источниковедческих исследований в зарубежном есениноведении. Она была опубликована в 1956 г., но написана, вероятно, значительно раньше. Известно, что с 1946 по 1949 г. Чижевский на семинарах в Марбургском университете разбирал «Евгения Онегина» А.С. Пушкина и поэзию С.А. Есенина. Один из студентов университета, Людольф Мюллер, вспоминал о Чижевском: «У Есенина ему доставляло удовольствие расшифровывать в беседе с учениками образный язык поэта, черпавший из религиозной традиции, и объяснять “темные места”» [11, с. 302]. В это время ученый работает над книгами «История древнерусской литературы» и «Восточная и западная мистика в эпоху барокко» (к произведениям древнерусской ли-

тературы, славянского и европейского барокко Чижевский обращается при анализе «Песни о хлебе»), собирает материал для книги о русских поэтах, в числе которых был и Есенин. В гейдельбергском архиве сохранилась рукопись неопубликованного сборника его статей: «Russische Dichter: Pusckin – Tjutschev – Gogol’ – Dostoevskij – Esenin – Majakovskij», предисловие к которому датировано 1955 г. [10, с. 96].

Д.И. Чижевский был первым, кто посвятил «Песни о хлебе» специальное исследование, подчеркнув тем самым особую значимость стихотворения, которое ранее находилось на периферии внимания критиков и исследователей. Впервые значение статьи Чижевского раскрыла Е.С. Хило в работах, посвященных восприятию творчества Есенина в Германии [7, с. 24–26; 8, с. 110–116]. Исследователь представила подробный анализ статьи с переводом нескольких цитат и сочла, что эта работа ученого послужила истоком зарождения немецкоязычного есениноведения. Предпринимаемый в настоящей статье полный перевод статьи Чижевского дает возможность устранить некоторые неточности, содержащиеся в обзоре Хило. Так, исследователь пишет: «Обращаясь к славянским литературам, ученый упоминает такие произведения, как “Загадка” польского автора А. Морсцтына (A. Morsztyn), “Зерно” его соотечественника Трембеки (J.S. Trembecki)...» [7, с. 25]. Однако Чижевский говорит о том, что стихотворение «Зерно» (Zboże) содержится в антологии польской поэзии эпохи барокко «Сад поэтический» (Wirydarz poetycki), составителем которой является Я.Т. Трембецкий, а в примечаниях предполагает, что «Зерно» и «Загадка» являются произведениями одного автора — Яна Анджея Морштына [12, S. 323, 334].

Для отечественных литературоведов статья Чижевского демонстрирует методологический подход к изучению поэтики зрелого творчества Есенина: посредством глубокого текстологического анализа раскрывается многослойная система его иносказаний. «Песнь о хлебе» по праву считается одним из самых сложных стихотворений поэта, поэтому критики и исследователи предлагали разные варианты его толкования. В комментариях к Полному собранию сочинений А.А. Козловский, делая обзор отзывов на стихотворение прижизненной критики, отмечает «вульгаризаторские схемы и догмы», которые в итоге приводят их авторов к странным выводам [2, с. 566–567]. Н.И. Шубникова-Гусева считает «Песнь о хлебе» одним из лучших стихотворений поэта, выражающих его отношение к современно-

сти и непреодолимую трагедию человеческого существования, а также обнаруживает связь стихотворения с драматической поэмой «Пугачев» (1921) [9, с. 173]. Л.А. Киселева выявляет в «Песне о хлебе» скрытую полемику с идеей Н. Клюева о необходимости человечеству идти «путем зерна», т. е. «следовать великому космическому закону Труда и Жертвы» [1, с. 189]. С.Г. Семенова подчеркивает в «Песне о хлебе» «высокий уровень философского обобщения подспудных натуральных причин злодейства и греха в человеческой природе», «“первородный грех” пожирания, рождающий в людях зло и смерть» [6, с. 136]. По пути выявления типологических связей поэтики Есенина с контекстом мировой литературы, намеченному Чижевским, движется С.В. Кофанов, который, без учета труда предшественника, проводит сопоставительный анализ стихотворения Есенина и баллады «Джон Ячменное Зерно» Р. Бернса. Некоторые наблюдения, связанные с сюжетом «пути зерна» и символикой причастия, и общий вывод Кофанова об отображении Есениным русских реалий XX в. совпадают с представлениями немецкого слависта [3, с. 39–45]. Е.А. Папкова отмечает нетипичность для фольклора звучащих у Есенина отрицательных коннотаций хлеба, находит их истоки в хтонических образах славянского язычества и заключает, что при помощи архаичных поэтических образов новокрестьянские поэты передавали воцарение хаоса в мире и в душах людей из-за голода 1919–1920-х гг., а также разрушение крестьянского космоса [5, с. 74–79]. Книгу «Поэтические воззрения славян на природу» А.Н. Афанасьева, на которую опирается Е.А. Папкова, упоминает в своей статье и Чижевский, рассуждая об основе образности Есенина.

Комплексный и обстоятельный анализ «Песни о хлебе», свободный от схем и догм и учитывающий ее многослойную организацию, еще только предстоит провести современным есениноведам. Наличие в научном обороте полного текста статьи Чижевского позволит получить более ясное представление о своеобразии литературоведческого анализа ученого, проследить за ходом его размышлений и наблюдений, оценить оригинальность трактовок метафор и символов «Песни о хлебе», ее смысловой доминанты. Особый интерес представляет то, что Чижевский рассматривает творчество Есенина в контексте культуры и духовной истории Европы, открывает новые источники его образности, внося вклад в культурологическое и философское понимание стихотворения. Ученый показывает, на какой глубине

нужно искать ключи к разгадке «темных мест» в поэзии Есенина, и прослеживает связь его поэтики со всем богатством культуры славянского и европейского мира.

В статье Чижевский цитирует оригинальные тексты старинных загадок на польском и украинском языках, а также на верхненемецком диалекте. В настоящей статье они приведены на языках оригинала с подстрочным переводом. Свою работу из семи частей Чижевский сопроводил комментариями и дополнением, в которых даны ссылки на разнообразные источники, изучение которых требует отдельного исследования. Ссылки переведены так, как они даны Чижевским, и снабжены пояснениями переводчика там, где это наиболее необходимо.

Приведем полный перевод статьи Чижевского:

«Песнь о хлебе» Есенина

I

«Песнь о хлебе» была написана Есениным, согласно Собранию его сочинений, в 1921 г. В первые трудные годы революции эта «Песнь» звучала как странное признание греховности сначала крестьянства, которое живет за счет «убийства» растений, а затем и всего человечества, которое не может обойтись без растительной пищи. Если вы убиваете животных, чтобы получить пищу, то вы также «убиваете» и растения. Основным источником мотива «убийства растений» являются картины множества преступлений, которые поэт видел тогда в своем окружении, «по всей стране»... Такое радикальное понимание жестокости человека и страданий, которые он причиняет природе своей деятельностью, даже самим своим существованием, необычно в русской поэзии, тем не менее символ «страдающего хлеба» (или зерна) отсылает к более древней традиции, которую мы хотели бы рассмотреть хотя бы в некоторых аспектах. Но сначала давайте вспомним «Песнь» <...>*.

Первый мотив этого стихотворения — «страдания» хлеба и зерна — традиционен. Но с ним Есенин связывает второй мотив: люди отравлены

* Далее Д.И. Чижевский приводит полный текст «Песни о хлебе» Есенина на русском языке с собственным подстрочным переводом на немецкий. Здесь и далее знаками *, ** и т. д. отмечены примечания переводчика. — *Е.П.* Сноски в тексте, обозначенные цифрами, принадлежат Чижевскому.

ядом злобы, накопившимся в хлебе от жестокости мучителей. Вероятно, у этого мотива существуют лишь довольно отдаленные аналогии.

2

Предыстория первого мотива сложна, но она напрямую ведет к разгадке стихотворения Есенина. Мотив мученической смерти растения или семени растения широко представлен в той же русской литературе. Прежде всего следует вспомнить перевод М.Л. Михайловым стихотворения Бёрнса «Джон Ячменное Зерно»[1]:

Когда-то сильных три царя
Царили заодно —
И порешили: сгинь ты, Джон
Ячменное Зерно!

Могилу вырыли сохой,
И был засыпан он
Сырой землею, и цари
Решили: сгинул Джон!

Пришла весна тепла, ясна,
Снега с полей сошли...
Вдруг Джон Ячменное Зерно
Выходит из земли.

И стал он полон, бодр и свеж
С приходом летних дней;
Вся в острых иглах голова —
И тронуть не посмей!

Но осень томная идет...
И начал Джон хиреть,
И головой поник — совсем
Собрался умереть.

Слабей, желтее с каждым днем,
Все ниже гнется он...
И поднялись его враги...
«Теперь-то наш ты, Джон!»

Они пришли к нему с косой,
Снесли беднягу с ног,
И привязали на возу,
Чтоб двинуться не мог.

На землю бросивши потом,
Жестоко стали бить;
Взметнули кверху высокó —
Хотели закружить.

Тут в яму он попал с водой
И угодил на дно...
«Попробуй, выплыви-ка, Джон
Ячменное Зерно!»

Нет, мало! взяли из воды
И, на пол положа,
Возили так, что в нем едва
Держалася душа.

В жестоком пламени сожгли
И мозг его костей;
А сердце мельник раздавил
Меж двух своих камней.

Кровь сердца Джонова враги,
Пируя, стали пить,
И с кружки начало в сердцах
Ключом веселье бить.

Ах, Джон Ячменное Зерно!
Ты чудо-молодец!
Погиб ты сам, но кровь твоя —
Услада для сердец.

Как раз заснет змея-печаль,
Всё будет трынь-трава...
Отрет слезу свою бедняк,
Пойдет плясать вдова.

Гласите ж хором: «Пусть вовек
Не сохнет в кружках дно,
И век поит нас кровью Джон
Ячменное Зерно!»

Через несколько лет после того, как стихотворение Есенина было написано и опубликовано, то же произведение Бёрнса перевел С. Маршак[2].

Однако этот мотив встречается и в более раннем русском стихотворении на случай, написанном В.А. Жуковским в 1831 г.: в нем описывается «страдание» платка фрейлины императрицы, который та потеряла. Поэт (сам Жуковский) находит его и жертвует в лотерею. Этому сюжету предшествует рассказ о конопле, из которой соткан платок. В этой предыстории мы встречаем те же метафоры, те же образы «мученичества конопли» <...>*.

Очевидно, что стихотворение является вариацией на ту же тему «мученичества растения» (Жуковский, как ни странно, считает, что тонкая льняная ткань создается из конопли). Основная метафора стихотворения легко открывается читателю уже в самом заглавии (впрочем, как и у Есенина, и у Бёрнса — «Песнь о хлебе», «Джон Ячменное Зерно»). Далее следуют еще семь строф, описывающих судьбу носового платка. Жуковский, знаток английской литературы и переводчик многих стихотворений английских поэтов (Грей, Томсон, Голдсмит, Драйден, Саути, Томас Мур, Байрон, Вальтер Скотт, Томас Кэмпбелл и т. д.), вероятно, знал стихотворение Бёрнса. Но он мог быть вдохновлен и другими образцами (об этом см. ниже).

* Далее Чижевский приводит с небольшими изъятиями текст стихотворения В.А. Жуковского «Исповедь батистового платка» на русском языке.

Однако существуют значительно более древние славянские стихи с образами, которые гораздо ближе к произведению Есенина. Это два стихотворения в стиле польского барокко. Во-первых, «Загадка» Анджея Морштына[3]:

GADKA
Patrz, niewdzięczniku, patrz na tego, ktory
żebyć dał żywot, zstąpił z swoi gory
i w cierniem wieńcu od ziemie wyniesiony,
na drzewie przywdział ubior pogardzony.
Potym końca swej doszedszy natury,
jest od podłego gminu gęstej chmury
jęty, związany, biczowan, stłuczony,
wsadzony nawet do podziemnej brony,
gdzie, bywszy przez czas, znowu zmartwychwstaje.
Ażebyć żywot przywrócił swą sprawą,
dał sobie głowę zgruchotać łaskawą.
Ej, obroć k niemu usta, boć on daje
zdrowje, on w tobie duszne siły mnoży,
on cię obżywia, choć nie jest Syn Boży.

[ЗАГАДКА
Смотри, неблагодарный, смотри на того, который,
чтобы жизнь дать, сошел со своей горы
и, в терновом венце от земли вознесенный, —
на дереве, облаченный в одежду презренную.
Дойдя до конца своей природы,
Он подлым обществом простолюдинов хмурых
Связан, уязвлен, бичеван, изранен,
даже помещен в подземную темницу,
где, пробыв некоторое время, он снова воскресает.
Чтобы снова жизнь свою восстановить,
Он позволил размолоть свою голову.
Обрати к нему уста свои, ибо он дает тебе
здоровье, он дает силы твоей душе,
он оживляет тебя, хоть он и не есть Сын Божий.]

«Загадка», конечно, не предполагает расшифровки отдельных метафор, она скорее группирует их так, чтобы они, хотя и не буквально, по-видимому, отражали историю страданий Христа. Некоторые метафоры (*в терновом венке, чтобы жизнь восстановить…*) не совсем точны. История зерна начинается с «конца»: с сушки на деревянной решетке, с обмолота и т. д.

В один ряд с «Загадкой» Морштына можно поставить другое стихотворение примерно того же периода, сохранившееся до нашего времени в антологии польской поэзии в стиле барокко «Сад поэтический» (*Wirydarz*) под редакцией Я.Т. Трембецкого. Это длинное стихотворение помещено в сборнике в разделе загадок под заглавием, которое сразу выдает отгадку, — «Зерно»[4].

Текст стихотворения следующий:

Zboże
Wprzod muszę, być w wiezeniu, niżeli ożyję,
i nie mogę żyć jeśli wprzod dobrze nie zgniję.
Matka mię bez pomocy mej nad przyrodzenie
nie urodzi, i moje cudowne rodzenie,
żem sobie sama wzrostem, początkiem, powstaniem,
lepiej niźli rodzeniem nazwiesz zmartwychwstaniem.
Trupa mego matce mej przynioszą, a ona
na grób mój litosciwe otwiera ramiona
z ktorego niezadługo na świat zaś wychodzę,
ale się już z bliźnięty, a nie sama rodzę.
W niej mam grob, w niej i żywot, w niej pokarm i szaty;
mroz mi choć nagiej nie strach, a kiedy kosmaty
przywdzieję kożuch, wtenczas na mię nie naciera.
Gdzie mie niemasz, tam się mie lud bardziej napiera
a mie zaś ledwo kijem wykołaczą z domu,
póki kijem ne wezmę, nie zgodnam nikomu.
Jedne mam tylko nogę, rozum w głowe noszę,
weselszam gdy ją zwieszę, niż gdy ją podnoszę.
Małam rzecz a ogromne na mie wojska zwodzą,
ktore ostro krzywymi orężmi mi szkodzą.

Ani mi to obroni, choc mam do obrony
dom złotymi spisami zewnątrz otoczony.
A tak mój nieprzyjaciel okrutny i srogi,
że matce mojej ledwie zostawi me nogi.
Ostatek sobie zbierze, część zwierzom rozrzuci,
im mię barziej morduje, tym się mniej zasmuci.
Nakoniec mię przez wszytkie utrapi żywioły:
wodą mię a nie ogniem obroci w popioły,
rozrzuca po powietrzu i tłucze po ziemi,
w ogień wrzuci, dopiero męczeństwy takimi
zniszczona tyranowi tak płaczę tę sprawę,
że mu za śmierć oddaję i żywot i strawę.

[Зерно
Прежде чем ожить, я должен побывать в тюрьме,
и я не смогу жить, если сначала не сгнию как следует.
Мать меня без помощи моего ростка
не родит, и чудесно мое рождение,
и я сам — подъем, начало, восход,
это лучшее, чем рождение, называется воскрешением.
Мой труп приносят к моей матери, а она
раскрывает милосердные объятия пред моей могилой,
Из которой я вот-вот появлюсь на свет
вместе с близнецами, она рожает не сама.
В моей могиле и жизнь, и пища, и одежда;
Я не боюсь мороза, хоть и наг, и, когда косматый
надеваю тулуп, он не давит на меня.
Где меня нет, там люди давят меня сильнее.
И меня выколачивают из дома палкой,
пока не возьмут палку, я никому не даюсь.
У меня только одна нога, я ношу свой разум в голове,
Мне веселее, когда я вешаю ее, чем когда поднимаю.
Малая вещь, но великим войском выходит на меня
и острым, кривым оружием меня сражает.
И не защитит меня, хотя я должен защищаться,

Дом, окруженный снаружи золотыми спицами.
И так враг мой жесток и суров,
что матери моей едва оставляет мои ноги.
Он соберет последнее и разбросает зверям,
чем больше он убивает меня, тем меньше скорбит.
Наконец, он поразит меня всеми стихиями.
Он обратит меня в прах водой, а не огнем,
Он разбросает меня по воздуху и разобьет о землю,
В огонь он бросит меня; только такими муками
уничтоженный тираном, я плачу ему тем,
что за смерть отдаю и жизнь, и пищу.]

Эта загадка, правда, несколько отличается по своей метафоричности от образов страданий Христа, но в любом случае она создает впечатление, что здесь речь идет о мученике, отплатившем за зло добром. Эту же метафору мученичества украинский поэт Иван Франко в начале XX в. применил к сельди в «Страданиях св. Сельди» (*Strażdannja i mućenyctwo sv. Seledija*) и к жизни свиньи (*Domestika*).

У нас есть еще одно славянское произведение аналогичного содержания, но еще более раннего периода — это сербское «Мученичество благословенного Винограда» (*Muka blafonoga Grozdifa*), — сохранившееся в рукописях XVI–XVII вв., но, вероятно, еще более древнее, предположительно представляющее собой перевод с греческого[5]. Это произведение принадлежит к другой традиции — пародиям на судебные процессы, к которым в русской литературе относятся повести о Ерше Ершовиче и «Шемякин суд»[6]. Император — это Груша, подобным образом зовут и его сановников (разнообразные фрукты). Святой Виноград (Grozdie) выступает с иском против клеветников и убийц. Овощи (снова названы имена) выдвигают против них встречный иск. Тогда император (Груша) выносит приговор: Виноград должен быть повешен на криво стоящем дереве, ему нужно отрубить голову ножом, отнести в погреб и там со всей силы бить кулаками, а его кровь должна храниться в каком-нибудь прохладном месте. Вся метафорика сразу же раскрывается в конце, когда «кровь св. Винограда» превращается в вино. Произведение завершается размышлением о потреблении вина и его различных эффектах.

3

Уже в ряду упомянутых произведений можно увидеть соединение различных источников. Начнем с того, что все они, с одной стороны, являются пародиями, с другой — загадками, иногда отчасти такими, которые подсказывают читателю неправильные отгадки. При этом в их содержании так или иначе присутствуют описания страданий Христа или мучеников. В некоторых из них подробности этих описаний приводятся с помощью метафоры, которая сразу же угадывается при упоминании рассматриваемого предмета (виноград в сербском тексте, конопля у Жуковского, зерно у Есенина), в других случаях (именно в загадках) их смысл остается скрытым. Это приводит нас к поэтическим произведениям Средневековья и Нового времени, которые, не будучи загадками, все же не раскрывают свою символику. Таким образом, они заимствуют прием загадки. И эти загадки предполагают знание определенных концепций и понятий новозаветной истории и христианской литургии.

Сама метафорика хлеба и вина, которые приносят человеку жизнь и насущную пищу, показывает, что здесь мы имеем дело с литургической символикой: причастием тела и крови Христовых, в котором во всех христианских конфессиях используются хлеб и вино. И этот символизм, конечно, встречается не только у славян и не только в словесном искусстве. Приведем несколько примеров.

Возьмем немецкие сборники загадок. Там мы находим, например, следующую:

> Я, наверное, самое полезное существо на земле,
> поэтому меня замучили,
> я должен сначала выдержать прут и колесо,
> а потом я должен набрать воды и пройти через огонь.
> Но все мучения, которые мне причинили,
> закончатся ножом и зубом.

Записанная Воссидло в Мекленбурге, эта загадка также известна в Восточной Пруссии. Но там тема «мученичества растения» будет перенесена и на другие растения и предметы, например, на лен:

Когда я был молод и красив,
я носил голубой венец;
когда я был стар и околел,
мне повязали ленту на талию;
потом меня связали и били.
[и несли на руках император и царь]*.

Более современным вариантом является перенос… на кофе:

Меня сотрут в порошок,
будут трясти, обрушивать потоки
на мою пыль и прикажут ей сесть.
Бульон должен растворить комочки.

Вариацией на ту же тему, вероятно, можно назвать и нижненемецкую загадку, связанную с пером для письма:

Sei sniden mi den Buk up,
und nehmen mi de Seel rut;
sei gewen mi wat tau supen,
und laten mi dormit lupen.

[Мне отрезают макушку
и забирают мою душу;
Мне дают что-нибудь поесть,
А потом дают похлебать].

Со славянскими загадками, подсказывающими неправильное решение «Христос», ближе всего соотносится старая загадка:

Es ist von oben herab kommen,
hat vill Leydens an sich genommen,
von Hitz, Keltd und Beschneyden.

* Последняя строка помещена в квадратные скобки Д.И. Чижевским.

Noch vill meer must es leyden.
Hot nit lang doheym gesogen,
in die Frembt ist es gezogen
mit Fiech vnd Leutten so es bet,
sein Leger waren nit linde Bet.
Lust noch Freud es nie begert,
30 Pfennig was er wert.
Verkaufft, gefangen, gebunden ward
es hart geschlagen, gezigen, gefurt manch Fart,
ein Kreutz gemacht, daran gespert,
niemand ward funden, der do wert.
Sein Seit verwondt vnd ander Glider,
nirgend geschont hoch oder nider,
daraus flossen heilsam Bronnen,
in der Finster gantz on Sonnen.
Einem yeden Menschen zu gut,
der sich dar zu schichenn thut.

[Оно спустилось сверху
и претерпело много страданий
от жары, холода и снега.
Но еще многое предстоит претерпеть.
Жара недолго его мучала,
Оно вышло на открытое пространство,
где была рыба и люди, о которых оно молилось.
Его лежанка не была липовой кроватью.
Он не испытывал ни удовольствия, ни радости,
Его продали за 30 пфеннигов.
Им торговали, его ловили, связывали,
его били, укрощали, переходили с ним вброд,
Сделали крест, его кололи шипы,
Но не было никого, кто бы его стоил.
Он был ранен в бок и в конечности,
Не было ему пощады ни от высокого, ни от низкого,
Из него текли целебные фонтаны,

Из темноты на солнечный свет.
На благо каждого человека,
кто укроется в нем.]

Отгадка неожиданна: винная бочка. В рукописи содержится точное объяснение всех деталей[7].

Однако религиозное искусство знает еще одно использование этого мотива. Тайная Вечеря и слова Христа «Я есмь лоза» (Ин. 15: 1–5) привели к мысли отнести этот символ к страданиям Христа. Так появились изображения «Христос в винном прессе». Одно из таких обнаруживается уже в рукописи «Сад наслаждений» (*Hortus Deliciarum*) Геррады Ландсбергской. Дальнейшие вариации этого мотива довольно разнообразны. Иногда Христос изображен в виде рабочего, утаптывающего виноград, иногда он появляется в давильне, верхняя доска которой давит ему на плечо. Таким образом, на подобных изображениях Христос — это виноград, чей сок-кровь используется для причастия.

Существует множество гравюр на дереве XV в. с изображениями Христа в винном прессе, а в XVII в. они превратились в странные изображения, на которых Христос изображен лежащим под винным прессом, а его кровь вытекает в виде вина через трубку и используется для причастия[8].

Еще один вариант растительной символики — это часто встречающийся в эмблематических книгах XV–XVIII вв. образ растения, роняющего свои семена на землю, с подписью «Я ожидаю будущей жизни» или чем-то подобным[9].

Эта традиция загадок и живописных изображений естественным образом приходит и к славянам.

4

Изображение Христа в виноградном прессе встречается только у западных славян. Мне известна лишь одна картина такого рода в музее в Банска-Бистрице (Нойзоль) в Словакии. При этом существует много загадок различного содержания, в которых используются образы мученичества святых.

К сожалению, русские загадки, так или иначе затрагивающие религиозные вопросы, в большинстве своем раньше не публиковались, поскольку

подвергались церковной цензуре; после революции они и вовсе были исключены из немногочисленных опубликованных сборников загадок. У нас есть лишь несколько примеров, которые намекают не столько на мученичество, сколько на войну, например: снопы в поле — это мертвые воины, как в «Слове о полку Игореве», напр.:

1. На поле ногайском, на рубеже татарском
лежат люди побиты, у них головы обриты.
(Варианты: лежат мужики убитые, брюха распороты).

Следующая загадка создает впечатление, что это перевод указанной выше немецкой загадки <...>*:

2. Режут меня, вяжут меня,
бьют нещадно;
пройду огонь и воду —
а конец мой: нож да зубы.

Другая загадка более подробна:

3. Бьют меня палками,
жмут меня камнями,
жгут меня огнем,
режут меня ножом.
А за что меня так рубят,
что все меня любят.

Намек на страдания мученика (возможно, Христа) можно увидеть только в следующей загадке:

4. Меня бьют, колотят, режут,
а я все терплю —
людям добром плачу.

* Здесь Чижевский дает ссылку на страницу, где помещена загадка «Я, наверное, самое полезное существо на земле...».

Опять же существуют варианты, в которых «страдания растения» переносятся с зерна на другие предметы — например, на льняную скатерть:

5. Били меня, били,
колотили, колотили,
клочьями рвали,
по полю валяли,
под ключ запирали,
на стол сажали.

Наконец, на перо для письма:

6. Голову срезали, сердце вынули,
дают пить, велят говорить[10].

Интересна одна украинская загадка, в которой упоминание «семи мук», возможно, отсылает к «Семи скорбям» Богоматери:

Не живу, не гуляю, а сім бід знаю і від ножа умираю.

«Семь мук» объясняются так: зерно сеют, обмолачивают, измельчают, из муки делают тесто, тесто замешивают, пекут и едят хлеб (sijut', molotjat', meljut', rozcynjajut', misjat', pecut', jidjat')[11].

Если рассматривать стихотворение Есенина как стихотворение-загадку, то лучше всего рассматривать ее в ряду стихотворений-загадок старообрядцев или сектантов, любивших задавать сложные вопросы, на которые поначалу невозможно дать ответ, либо которые предполагают два разных ответа[12].

Идея мученической смерти хлеба отнюдь не нова. Уже в памятнике XIII в. «Моление Даниила Заточника» мы встречаем, хотя и в более поздних рукописях (памятник дошел до нас исключительно в таких), предложение, которое четко выражает эту идею:

Пшеница бо много мучима хлѣбъ чистъ является.
(Измученная пшеница дает чистый хлеб)[13].

Более того, даже славянское слово «мука́» совпадает со словом «му́ка»[14], так что идея о мученичестве хлеба древняя и в поэзии Есенина обретает только новую форму.

5

Но можем ли мы с уверенностью сказать, откуда Есенин черпает основу образности, на которой построено его стихотворение? К счастью, поэт сам ответил на этот вопрос. Уже в 1920 г. он опубликовал брошюру «Ключи Марии» (Москва), в которой, возможно, в целях самозащиты, указывает источник своих метафор, казавшихся тогдашним читателям и критикам чересчур оригинальными, — источник этот — народные загадки.

Об этом пишет Устинов в своих воспоминаниях о Есенине[15], тот же прием в поэзии Есенина отмечает и Асеев[16]. Б. Нейман[17], который посвятил работу образности («эйдология») Есенина, высказал предположение, что поэт находился под влиянием трудов авторов мифологической школы (Афанасьев, А. Котляревский).

Своеобразие поэтики Есенина состоит в том, что для элементов пейзажа он использует метафоры и сравнения, взятые из повседневной крестьянской жизни: луна — это хлеб, береза — девушка, дождь (*златоколенный*) «пляшет», но, главным образом, в самых разных ипостасях выступают домашние животные. Во многих случаях образы Есенина соответствуют метафоре загадки. Когда он пишет: «Солнце как кошка... лапкой золотою трогает мне волосы», на ум приходит следующая загадка: белая кошка лезет в окошко — отгадка: солнце (или точнее: солнечный свет)[18].

Метафоры такого рода и раньше спорадически использовались в русской поэзии, но не «крестьянскими поэтами», которые без исключения были менее одаренными подражателями, а, например, А. Меем[19]. Но когда Есенин использует такие метафоры, как звезды — рыбы, облако — конь и т. д., можно действительно вспомнить о мифологических фантазиях Афанасьева и подумать о том, что Есенин мог взять фольклорный материал из его содержательной работы о славянской символике природы. Некоторые метафоры не удивительны, они пришли из народных песен (снег — лебеди и т. д.).

Рассматриваемое стихотворение-загадка Есенина относится к особой группе, а именно к «загадкам с двойным смыслом». Это те, которые подска-

зывают ответ, отличный от настоящего, чтобы запутать. Среди них распространены загадки, которые содержат непристойный намек, в то время как намек не соответствует действительности, или такие, которые, казалось бы, имеют религиозный смысл, но на самом деле обозначают противоположное или непристойное[20]. В последнюю группу входят и загадки, с которыми связана «Песнь» Есенина.

6

Откуда же взялся второй мотив «Песни о хлебе» — «отравление», а именно духовное, нравственное отравление крестьян, поедающих «трупы» замученного зерна? Этот мотив, вероятно, является оригинальным творением поэта, хотя скорее всего тоже имеет определенные истоки. Во-первых, здесь, вероятно, присутствуют идеи вегетарианцев: Есенин переносит на растительную пищу то, что идеологические вегетарианцы всегда говорили о потреблении мяса. Поэт, должно быть, заметил параллель между потреблением мяса и растений:

животное — «убийство» животного — потребление мяса — «отравление»

растение — «мученичество» растения — потребление растений — действие растительной пищи

Однако мысль об отравлении могла быть взята и из народного предания, которое обработал Толстой, — «Как чертенок краюшку выкупал». Содержание этого рассказа, как известно, таково: чтобы ввести крестьянина в грех проклятия, чертенок крадет у него еду: краюшку хлеба. Однако крестьянин прощает вора. Получилось, что, украв, чертенок совершил хороший поступок. Теперь он должен это искупить. Нанявшись к крестьянину в работники, он учит его курить вино. Главная часть легенды состоит в наблюдении старого черта за пьянством крестьян: сначала они веселятся и льстят друг другу, затем начинается драка, и, наконец, они пьяные лежат в уличной грязи; чертенок подмешал в вино лисью, волчью и свиную кровь, и пьющие отравляются этим. Эта притча представляет собой переработку различных народных легенд о происхождении алкоголя. Подобные легенды существуют и о происхождении картофеля: говорили, что это растение тоже

возникло в связи с тяжким грехом, и поэтому употребление картофеля является признаком морального разложения или вызывает его. Другие легенды подобного рода касаются табака, «травы, проклятой Богом». Табакокурение считалось у старообрядцев тяжким грехом, и среди них бытовало множество легенд, мотивирующих запрет на курение, которые также были опубликованы.

Есенин, возможно, знал переработку Толстого, но ему могли быть известны и легенды из устных традиций или из более старых публикаций. Небольшая деталь, возможно, также подводит нас к другому, немецкому, источнику: «яйца злобы» в желудке человека напоминают об одном рассказе И.П. Гебеля из «Рейнского сундука с сокровищами» (Rheinischen Schatzkästlein)*, в котором дракон обжорства откладывает свои яйца в желудке обжоры. Рассказы Гебеля входили в русские школьные учебники, и, возможно, Есенин познакомился с ними в школе. Во всяком случае, происхождение второго мотива «Песни» — отравление людей ядами порока, которые, как предполагается, содержатся в хлебе, — нельзя определить с полной уверенностью. Но отчасти близкие мотивы встречаются в фольклоре.

Однако стихотворение очень типично для Есенина и в другом отношении. Некоторые строки содержат больше слогов, чем требует форма стихотворения (строки 21 и 27), есть неточные рифмы (поутру — труп, земле — телес, яств — класть, окрасив — мясо) и даже ассонансы (жестокость — колосья, катафалках — гаркнув, встанет — зубами, тесто — белесый, как осень — колосья). Отдельные смысловые образы также типичны: первые строки задают тему стихотворения, сравнение «серп режет колосья... как под горло режут лебедей» задает тон дальнейшим сравнениям и метафорам, их смысл можно предугадать. «Августовская дрожь поля поутру» поначалу кажется намеком на холод, но контекст придает дрожи значение «дрожь от страха», потому что каждый сноп лежит как труп (см. загадку выше, в которой павшие воины — это снопы, как и в «Слове о полку Игореве»). «Телега — катафалк» и «склеп — овин» — метафоры, относящиеся ко всему контексту произведения. Возница, совершающий обряд погребения, — типичный для Есенина намек на литургию[21]. Снопы, которые голо-

* Чижевский имеет в виду сборник рассказов и календарных историй И.П. Гебеля „Schatzkästlein des rheinischen Hausfreundes“.

вами «стелют по земле», — это еще одна отсылка к «Слову о полку Игореве» (см. выше). «Людоедка-мельница» перемалывает зерно зубами, в то время как человек перерабатывает хлеб «жерновами» (в процессе пищеварения, поскольку жернова, по Есенину, находятся в кишечнике человека). Это также типичный для загадки прием: обмен характеристиками или составными частями между двумя объектами; при таком переносе образы сразу превращаются в метафоры.

Основной образ стихотворения — это, безусловно, причастие. Только причастие здесь одновременно является и отравлением. Возможно, поэт имел в виду образ какого-нибудь «сатанинского причастия». Или он просто использовал здесь прием упомянутых выше двусмысленных загадок[22]. В его «загадке» положительный образ причастия, соответствующий общепринятому представлению, превращается в отрицательный, и, следовательно, ожидания читателя не оправдываются, как и в случае с указанными выше загадками, имеющими двоякий смысл. «Песнь о хлебе» — это настолько пессимистическая символическая характеристика крестьянской России и крестьянской революции, насколько это возможно, поскольку поэт, очевидно, видит перед собой «шарлатанов, убийц и злодеев» во время написания поэмы (1921 г.)... Вот почему это стихотворение не вошло в советские сборники поэзии Есенина. Знаменательно, что такой образ России времен крестьянской революции был создан автором, который хотел быть крестьянским поэтом.

В любом случае, эта картина с ее странным символизмом впечатляет больше, чем большинство «реалистических» описаний.

Примечания

[1] Текст стихотворения Бёрнса следующий: <...>*.

Перевод Михайлова был опубликован в журнале «Современник», 1856, 6.

[2] Перевод Маршака лучше, чем перевод Михайлова. <...>**

[3] А. Морштын. Избранная поэзия (Wybér poezji), под редакцией Я. Дюр-Дурски (Варшава, 1949), с. 82.

* Далее Чижевский приводит оригинальный текст баллады Р. Бёрнса на английском языке.

** Далее Чижевский приводит текст баллады Р. Бёрнса в переводе С.Я. Маршака на русском языке.

[4] Сад поэтический (Wirydarz poetycki), под редакцией А. Брукнера, том I (Львов, 1910). С. 221, № 445*. Автором, возможно, является тот же А. Морштын.

[5] Под редакцией Дж. Даничича, Starine, II (1870), с. 311–312**.

[6] См. в этом сборнике эссе «Маяковский и Кальдерон».

[7] Загадки взяты из следующих источников: Воссидло. Мекленбургские народные традиции, I (Висмар, 1897), с. 139, № 482; О. Фроммель. Немецкие загадки (Лейпциг, 1902), с. 11, № 63; Немецкая книга загадок (Инзель); А. Бонус. Загадки, I (Мюнхен, 1907), с. 112; Петш. Новые материалы о народных загадках, Палестра, IV (Берлин; 1899), с. 43, эта загадка взята из рукописной Страсбургской книги загадок, об этом см. там же, стр. 7 и далее. Вариант из Восточной Пруссии под ред. Фромма гласит:

Я, наверное, самая прекрасная для тебя вещь на земле,
но ничто не сравнится с тем, как меня замучают.
Я должен сначала пройти через дубинку и колесо,
я сейчас должен пройти через воду, а потом через огонь;
и все это закончится ножом и зубом.

Ангелус Силезиус сравнивает мученичество Св. Игнатия с перемалыванием зерна, Херувимский странник, III, 154***.

[8] О Герраде Ландсбергской см. Х.М. Энгельгардт. Геррада Ландсбергская (Штутгарт, 1818); гравюры на дереве XV в. описаны у В.И. Шрайбера, Справочник о гравюрах на дереве и металле XV века. Гравюры на дереве, том II (Лейпциг, 1926). №№ 841–7 (10 гравюр на дереве), две репродукции. См. также Э. Вишер. Гравюры XV века (Страсбург, 1912); О. Вейгман. Гравюры на дереве из маленькой золотой книги 1450 года (Мюнхен), гравюра XXVIII, и Ф.М. Хабердитцль. Однолистовые гравюры XV века (Вена, 1920), XLII.

[9] Об эмблематических изображениях см. мою книгу «Философия Г.С. Сковороды» (Варшава, 1934), гравюра III, 6 из книги И. Камерариуса Этико-политические символы и эмблемы. Четвертая центурия (Майнц, 1697), № 100 (см. также № 84).

[10] Эти загадки взяты из: № 1: Сборник Даля «Пословицы русского народа» (1862), с. 1075; № 2: М. Рыбникова. Загадки (Москва – Ленинград, 1932), № 1423 (Ярославль), аналогичные в № 1424–5; № 3: Рыбникова, с. 89, № 268, белорусская параллель — с. 193, № 195; № 4: Рыбникова, № 1428–9; № 5 и 6: Садовников. Загадки русского народа (СПб., 1876), №. 1300 и по указателю****.

* Речь идет о книге: *Trembecki T.T.* Zabytki piśmiennictwa polskiego. Wirydarz Poetycki. Wyd. A. Brückner, I, Lwów. 1910.

** Имеется в виду издание Югославянской академии «Starine», кн. II. Загреб, 1870.

*** Имеется в виду книга немецкого христианского мистика, теолога и поэта эпохи барокко Йоханнеса Шеффлера (псевдоним — Ангел Силезский) «Херувимский странник». См.: Силезиус Ангелус. Херувимский странник (остроумные речения и вирши) / пер. с нем. Н.О. Гучинской. СПб.: Наука, 1999. 506 с.

**** См.: *Даль В.И.* Пословицы русского народа: сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, загадок, поверий и проч. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при

[11] Украинские загадки из собрания М. Номиса (Симонова) «Украинские присказки, поговорки...» (СПб., 1864), с. 301, № 380*.

[12] В. Мочульский «Голубиная книга», Русский филологический вестник, XVII–XVIII (1887) (и отдельно).

[13] Моление Даниила Заточника, подг. к печати Н. Зарубин (СПб., 1932), с. 68.

[14] Фасмер. Русский этимологический словарь, I, с. 173.

[15] Устинов в коллективном издании «С. Есенин. Сборник статей» (1926), с. 78**.

[16] Н. Асеев. Печать и Революция (1922), 8, с. 40.

[17] Б. Нейман. Источники эйдологии Есенина, Художественный фольклор, IV–V (1929), с. 204–217***, см. там же, I (1926), с. 34, 37.

[18] Метафорика Есенина заслуживает особого внимания. Вот лишь несколько примеров: капустные грядки красной водой поливает восход — зори в струях озера свой выткали узор — рассвет рукой прохлады росной сшибает яблоки зари — как метель черемуха машет рукавом — машет саваном пена с озер — на небесном синем блюде желтых туч медовый дым — заря на крыше, как котенок, моет лапкой рот — на грядки... рожок луны по каплям масло льет — и горстью смуглою листвы последний ворох кидает ветер вслед из подола — чешет тучи лунный гребень — ягненочек кудрявый, месяц гуляет в голубой траве — прибрела весна, как странница, с посошком, в лаптях берестяных — золотой метелкой ветер расчищает мой ровный путь — золотою лягушкой луна распласталась на тихой воде — лошадиную морду месяца схватить за узду лучей, и т. д. Однако следует сказать, что несколько сотен таких «крестьянских» или «деревенских» метафор можно найти в предшествующей литературе: например, если восхититься метафорой дождик с сонмом стрел, то можно вспомнить, что капли дождя сравниваются со стрелами уже в «Изборнике» (1076), или когда читаешь вечер, свесившись над речкою, полощет водою белой пальцы синих ног, то вспоминается фраза Тютчева: и сладкий трепет, как струя, по жилам пробежал природы, как бы горячих ног ея коснулись ключевые воды («Вечер»), и т. п.

[19] См. такие метафоры, как: ветер по дуброве серым волком рыщет — ветер с листьев воду веником сметает — месяц... засветил обломком перстня золотого — солнце... венец-лучи с себя скинуло, ... убрус, шитый золотом, сбросило — ночь окошко давно занавесила — зорька... не в приборе и без алого повойника — ветер с поясом играет, с синим поясом-рекой, и т. д. См. диссертацию Г. Хербста «Исследования стихов А. Мея» (Галле на З., 1943).

Моск. ун-те, 1862. 1095 с.; *Рыбникова М.А.* Загадки. М.; Л.: Academia, 1932. 486 с.; *Садовников Д.Н.* Загадки русского народа: Сб. загадок, вопросов, притч и задач. СПб.: Тип. Н.А. Лебедева, 1875. 332 с.

* Речь идет о книге: *Номис М. (М. Симонов).* Українські приказки, прислівъя і таке инше. СПб.: В друкарнях Тиблена и комп. и Кулиш, 1864. 304 с.

** Речь идет о книге: Памяти Есенина / Всероссийский союз поэтов. М.: Изд-во Всероссийского союза поэтов, 1926. 269 с.

*** См.: *Нейман Б.* Источники эйдологии Есенина // Художественный фольклор. 1929. Вып. IV–V.

[20] К рассказу Л. Толстого см. текст легенды, опубликованной в «Памятниках» Г. Кушелева-Безбородко, I (1860), с. 137 (под редакцией Н.И. Костомарова), а также «Народные русские легенды» Афанасьева (Лондон, 1859). Рассказ Толстого вышел в 1886 г., в том же году он предпринял попытку создания народного театра. Н. Гудзий считает, что непосредственным вдохновением для Толстого послужила «лубочная картинка», датированная 1880 г. (Собрание сочинений Толстого, Академическое издание, т. XXVI (1936), с. 673 и далее)*.

[21] Слова *молитва, молиться, обедня, заутреня, вечерня, панихида, ладан, четки, кадить, лампадки, колокола, купол, монастырь, инок, схимник, свечки, звоны* встречаются в стихах Есенина чрезвычайно часто почти до конца его творчества. См. такие метафоры, как: запах ладана от рощи ели льют — и вызванивают в четки ивы, кроткие монашки — на дворе обедню стройную запевают петухи — хаты — в ризах образа — мелкий дождь своей молитвой ранней еще стучит в оконное стекло — и мыслил и читал я по Библии ветров — галочья стая на крыше служит вечерню звезде — сердце свечка за обедней Пасхе массы и коммун (!), и т. д.

[22] См. цитируемую выше работу Петша и особенно Г. Дестуниса «Очерки греческой загадки», Журнал Министерства народного просвещения, 1890, 7–8, где приведены примеры двусмысленных загадок из Древней Греции и Византии; см., в частности, № 7, с. 79, № 8, с. 264 и далее, 276 (загадки христианской эпохи).

Дополнение

Возможно, та же символика лежит в основе «Кровавого хлеба» Ю. Тувима (Произведения, I, 1955, с. 92**).

К с. 326 и 334: древние боги также спускались в давильню; см., например, цитируемую Авлом Геллием анакреонтическую Песнь XIX, 9, 6***.

К с. 324: Два стихотворения Франко опубликованы в его сборнике стихов «Мой Измарагд» в 1898 г. («Доместика» тогда называлась «Un coeur simple»). Сейчас эти стихи напечатаны в Собрании сочинений Франко (Сочинения, том XI, Киев, 1952, с. 103–6 — *Сельдь*, с. 102 — *Доместика*). Во 2-м издании Измарагда Франко добавил к «Доместике» следующий эпиграф: «Надпись на обложке одной старой рукописи: Бѣ нѣкое созданіє ину главу имуще. И разгнѣвася дому владыка и всади ю в темницю. По многих же днех изведоша ю и заклаша и распяша на древѣ. Ризы ея огнем сожегошася, плоти же и крови ея вси причастихомся». Если Франко действительно нашел эту загадку «на обложке ста-

* Чижевский ссылается на комментарий к 26 тому Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого. М.: Худож. лит., 1936. С. 673–674.

** Чижевский имеет в виду издание: *Tuwim J.* Dziela. Warszawa: Czytelnik, 1955. 367 с.

*** Источники, содержащие изображения Христа в винном прессе, которые упоминает Чижевский в своей статье на с. 326 и 334, автор дополняет сведениями из книги Авла Геллия «Аттические ночи», в которой содержатся отсылки к Анакреонтическим песням (Анакреонт XIX, 9, 4–7). См.: *Геллий Авл.* Аттические песни. СПб.: Гуманитарная акад. 2008. Т. 2. / пер. с латин. под общ. ред. А.Я. Тыжова, А.П. Бехтер. С. 363–364, 408.

рой рукописи», это в этом нет ничего удивительного: такие случайные записи песен, эпиграмм, загадок и т. п. на обложках и переплетах рукописей встречаются очень часто. Как известно, даже одна из новгородских берестяных грамот содержит запись загадки (см.: Р. Якобсон, «Славянское слово» I (1954). Возможно, однако, что Франко сам придумал эту предполагаемую запись (он не называет ее «старой», а только говорит, что прочитал ее на обложке «старой рукописи»), чтобы защититься от обвинений тех, кто в его остроумном стихотворении-загадке (в *Доместике* в отличие от *Сельди* отгадка приводится только в заключительной строфе) видел «профанацию» религиозного материала.

Список литературы

Исследования

1 *Киселева Л.А.* Есенин и Клюев: скрытый диалог (попытка частичной реконструкции) // Николай Клюев. Исследования и материалы. М.: Наследие, 1997. С. 183–198.

2 *Козловский А.А.* [Комм.] // *Есенин С.А.* Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.). М.: Наука; Голос, 1995. Т. 1. С. 566–567.

3 *Кофанов С.В.* «Песнь о хлебе» С. Есенина и баллада Р. Бернса «Джон Ячменное зерно» // Современное есениноведение. 2010. № 13. С. 39–45.

4 *Надъярных Н.С.* Дмитрий Чижевский. Единство смысла. М.: Наука, 2005. 364 с.

5 *Папкова Е.А.* Символика хлеба, колоса, пашни в творчестве С.А. Есенина: литературный и исторический контексты // Есенинский вестник. 2013. Вып. 4 (9). С. 73–80.

6 *Семенова С.Г.* Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов. Поэтика — Видение мира — Философия. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. 590 с.

7 *Хило Е.С.* «Песнь о хлебе» С.А. Есенина в российском и немецкоязычном литературоведении // Современное есениноведение. 2016. № 2 (37). С. 24–26.

8 *Хило Е.С., Никонова Н.Е.* Восприятие поэзии С.А. Есенина в Германии (1920–2010-е гг.): переводы, издания, критика, литературоведение. Томск: Издат. дом Томского гос. ун-та, 2015. 230 с.

9 *Шубникова-Гусева Н.И.* Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Черного человека»: Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. 688 с.

10 *Янцен В.В.* Неизвестный Чижевский: обзор неопубликованных трудов. СПб.: Изд-во РХГА, 2008. 161 с.

Источники

11 *Чижевский Д.И.* Избранное: в 3 т. М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье» — Русский путь, 2007. Т. 1: Материалы к биографии (1894–1977). 844 с.

12 *Čiževskij D.* Esenins Lied vom Brot // Aus zwei Welten. Beiträge zur Geschichte der slavisch-westlichen Literarischen Beziehungen. S-Gravenhage: Mouton & Co, 1956. S. 319–336.

References

1 Kiseleva, L.A. "Esenin i Kliuev: skrytyi dialog (popytka chastichnoi rekonstruktsii)" ["Esenin and Kliuev: Hidden Dialogue (an Attempt at Partial Reconstruction)"]. *Nikolai Kliuev. Issledovaniia i materialy* [*Researches and Materials*]. Moscow, Nasledie Publ., 1997, pp. 183–198. (In Russ.)

2 Kozlovskii, A.A. "Kommentarii" ["Comments"]. Esenin, S.A. *Polnoe sobranie sochinenii: v 7 t. (9 kn.)* [*Complete Works: in 7 vols. (9 books)*], vol. 1. Moscow, Nauka Publ., Golos Publ., 1995, pp. 566–567. (In Russ.)

3 Kofanov, S.V. "'Pesn' o khlebe' S. Esenina i ballada R. Bernsa 'Dzhon Iachmennoe zerno'." ["'Song About Bread' by S. Esenin and the Ballad 'John Barleycorn' by R. Burns"]. *Sovremennoe eseninovedenie*, no. 13, 2010, pp. 39–45. (In Russ.)

4 Nad"iarnykh, N.S. *Dmitrii Chizhevskii. Edinstvo smysla* [*Dmitry Chizhevsky. Unity of Meaning*]. Moscow, Nauka Publ., 2005. 364 p. (In Russ.)

5 Papkova, E.A. "Simvolika khleba, kolosa, pashni v tvorchestve S.A. Esenina: literaturnyi i istoricheskii konteksty" ["Symbolism of Bread, Ear, Arable Land in Sergey Esenin's Works: Literary and Historical Contexts"]. *Eseninskii vestnik*, vol. 4 (9), 2013, pp. 73–80. (In Russ.)

6 Semenova, S.G. *Russkaia poeziia i proza 1920–1930-kh godov. Poetika — Videnie mira — Filosofiia* [*Russian Poetry and Prose of the 1920s and 1930s. Poetics — Vision of the World — Philosophy*]. Moscow, IWL RAS Publ., Nasledie Publ., 2001. 590 p. (In Russ.)

7 Khilo, E.S. "'Pesn' o khlebe' S.A. Esenina v rossiiskom i nemetskoiazychnom literaturovedenii" ["S.A. Esenin's 'Song About Bread' in Russian and German-Language Literary Studies"]. *Sovremennoe eseninovedenie*, no. 2 (37), 2016, pp. 24–26. (In Russ.)

8 Khilo, E.S., and N.E. Nikonova. *Vospriiatie poezii S.A. Esenina v Germanii (1920–2010-e gg.): perevody, izdaniia, kritika, literaturovedenie* [*Perception of S.A. Esenin's Poetry in Germany (1920–2010s): Translations, Editions, Criticism, Literary Studies*]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2015. 230 p. (In Russ.)

9 Shubnikova-Guseva, N.I. *Poemy Esenina: Ot "Proroka" do "Chernogo cheloveka": Tvorcheskaia istoriia, sud'ba, kontekst i interpretatsiia* [*Esenin's Poems: From "The Prophet" to "The Black Man": Creative History, Fate, Context and Interpretation*]. Moscow, IWL RAS Publ., Nasledie Publ., 2001. 688 p. (In Russ.)

10 Iantsen, V.V. *Neizvestnyi Chizhevskii: obzor neopublikovannykh trudov* [*The Unknown Chizhevsky: a Review of Unpublished Works*]. St. Petersburg, Russian Christian Academy for Humanities Publ., 2008. 161 p. (In Russ.)